DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.2.4>

УДК 1:316

ББК 86.2

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КАК СПЕЦИФИКАЦИИ «ПРОСТИРАНИЯ»¹

Иван Александрович Дорошин

Кандидат философских наук,
доцент кафедры теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
ivansar@mail.ru, DoroshinIA@saratov.gov.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье дан подробный анализ пространственно-структурированному восприятию, которое возможно исключительно при условии признания ценности времени. Манипулятивные проекты – псевдоапокалиптические и катастрофические, как правило, основаны на элиминировании ценностного восприятия времени. Фиксирование ценности времени оказывается важнейшим условием превращения киберпространства в социальное пространство. Социальные и цивилизационные успехи зависят от широкого использования образов, упорядочивания представлений не на основе причинно-следственных связей, а аналогии объектов в пространственном отношении, ответственными за которые являются как правило религиозные институты. Также проясняется некоторая сущностная особенность социального риска, как действия, предприятие в пространстве без должного временного фундирования, которое позволило бы в восприятии дать объемную картину действительности.

Ключевые слова: религия, социализация, пространство, пространственность, время, риск.

Пространственно-временные представления в развертывании социального процесса принимают различную форму, но некоторые паттерны имеют практически неограниченную власть. Они традиционно называются «религией», хотя в понятие давно входят мифологические сюжеты, проекты «предварительного посредничества» [16] или «апокалиптического посредничества» [17], культовые схемы и другие не менее интересные комплексы. Недаром Президент РФ В.В. Путин сравнил в своем выступлении мощь религии с ядерным щитом России: «И традиционные конфессии Российской Федерации, и ядерный щит являются теми составляющими, которые укреп-

ляют российскую государственность, создают необходимые предпосылки для обеспечения внутренней и внешней безопасности страны. Из этого можно сделать ясный вывод о том, как государство должно относиться и сегодня, и в будущем и к тому, и к другому» [12]. Ядерный баланс оказался залогом мира и завершением гомицида XX в. перед лицом абсолютной для человечества опасности физического уничтожения. Аналогичную роль играет религиозный институт, предлагая дискурс риска абсолютной духовной смерти. В этом смысле вспоминается лозунг афонских монахов – «Православие или смерть» (духовная смерть), так неумело заимствованный в России свое-

образной субкультурной группой «хоругвеносцев» и воспринятый общественностью как экстремистский. Подобные формулы выкристаллизовали понимание риска в религиозных традициях, представляя собой самые вершины «айсбергов» религиозных институтов. Они являются не только отчетливо воспринимаемыми (хотя и могут быть антиномичными), но и абсолютными топосами, которыми проверяемы наши представления о религии (в том числе научные), а также религиозные идеи. В них смыкаются реальность и рефлексия, когда рефлексия может стать причиной абсолютных последствий в реальности (как в феномене мученичества).

К сожалению, в повседневности (а это работа на уровне муниципалитетов) «красная кнопка» религии и национальной стратегии, как правило, дана лишь в нагрузку к социальной сфере. Для социального пространства сила действия религии сравнима с ядерным в пространстве физическом: «...временные и пространственные понятия определены той культурой, к которой он (человек) принадлежит» [5, с. 27]. Паттерны религиозного поведения, как правило, выражают в концентрированном виде все ценностные основания конкретной культуры. Таким образом, есть обратная зависимость на понятийном уровне фиксирования пространственного и временного восприятия от ценностной матрицы религии. Несмотря на то, что, по мнению П. Бернштейна – «никогда больше ученые не будут столь безоговорочно благодушны, и никогда впредь институты религии и семьи не вернут прежнего уважения в западном мире» [1, с. 140], все же религиозная мотивация, как и манипуляция на основе риска религиозного поведения повсеместно движет и питает глокализацию.

Целью этой небольшой работы является социально-философский анализ институциональной структуры социального пространства религиозного поведения, как спецификации «простираания», заключающейся в абсолютных топосах и ценностях. Деятельное освоение социального пространства выражает внешнюю сторону жизненного пространства, выстроенные индивидом пространственные структуры выражают духовную структуру жизненного мира, где особое значение имеют ценностные ориентации [14, с. 37]. Несмотря

на изменения в освоении, «колонизации» и восприятии пространства в целом, а также господство виртуальных практик, фундаментальным измерением человеческого бытия, структурирующим картину мира человека как социального существа, остается «пространственность»: «Переход от тела как естественно-природного к телесности как социально-сконструированному феномену осуществляется на уровне движения в физическом пространстве и социального действия в социальном пространстве...» [15, с. 9] «Пространственность», соответственно, с необходимостью структурирует и религиозное мировоззрение, определяет и фиксирует религиозное поведение. Это особенно актуально для российской ментальности, в которой временные параметры традиционно передаются с помощью пространственных данных («встретимся где-то в пять...» и др.). Сущностная черта, таким образом, обыденного восприятия и философствования – пространственность – является «посредником» в восприятии времени. Есть ли риск манипуляции и самообмана в связи с этими особенностями? Конечно, да. Кроме того «будущее», как и иные категории (в том числе важнейшая для религиозного мирозерцания – «вечность») могут оказаться лишь производными от пространственности. Можно поставить вопрос по-другому: имеем ли мы дело со «взаимопереходом» категорий? Именно она лежит в основе любых социальных проекций, в том числе окончательных – сфере абсолютных религиозных ценностей. Нет ли риска подмены на категориальном уровне социализации? Не кроются ли здесь цивилизационные особенности? «Социальные риски, присущие индустриально развитым странам, в результате процессов интеграции и глобализации оказывают влияние на традиционные общества, а это означает, что категория риск приобретает посттрадиционный, цивилизационный статус» [10, с. 9]. Пожалуй, это важнейшие цивилизационные особенности – специфические для этого образования риски.

В эпоху информационных сетей мы активно сталкиваемся с проблемой двойственной природы социального бытия. Социальный мир представляет собой некие объективные внешние структуры с пространственными характеристиками. Но создателем структур явля-

ется человек. Социальный субъект и социальный институт являются двумя базовыми понятиями для пространственного анализа. Соотношение понятий для религиозной реальности можно дать следующим образом. Более двух субъектов социальных отношений в процессе простираания (если использовать понятие М. Хайдеггера) создают социальный институт при условии абсолютной ценности их отношений («Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20), «там – Церковь» – фраза, которая определяла и продолжает определять институциональную составляющую европейской цивилизации на протяжении тысячелетий). Спектр взаимодействия и сочетаний социального субъекта и института, а также пониманий ценностных требований воплощается в богатство социальных отношений и религиозных практик. Сложность институционального и intersubjectивного взаимодействия осложняют контроль и порождают новые социальные риски [11, с. 87].

Большинство авторов дают не социально-философский, а социологический анализ религиозных институтов. Таким образом, элиминируются абсолютные топосы уже на уровне метода. Следовательно исключается из рассмотрения религиозное поведение и религиозный институт как религиозный, имеющий сущностную специфику. Тогда как социально-философский анализ их не исключает. Благодаря этому возможна работа с такими сложными категориальными системами, как богословие, теология, историософия, – в исследовании социальных институтов можно избежать социологической редукции, которая превращает объект религиозной институционализации в усредненный. Объект ускользает, что несет дополнительные и интеллектуальные, и управленческие риски. Социально-философский анализ институтов может опираться на анализ институционального конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, В.М. Быченкова [3], теорию институциональных матриц С.Г. Кирдиной [9], в целом базироваться на фундаменте структуралистского конструктивизма П. Бурдьё [2], теории структуризации Э. Гидденса [4], структурном функционализме Э. Дюркгейма [6]. Тематика располагается на пересечении нескольких эпистемологических полей. Для анализа непосред-

ственного предмета, носящего социально-философский характер, стоит привлекать отдельные положения религиоведения – что, к сожалению, не принято в российской науке. Это позволит на качественно ином для отечественной литературы уровне рассмотреть институциональные структуры религиозных общин с позиции концептуальной категории социального пространства. Социальное пространство использовано в качестве социально-философского концепта, позволяющего проводить качественно иной анализ религиозного поведения. Институциональное пространство, как правило, понимается как исходная форма существования социального пространства. Религиозные институты представляют собой наиболее глубокий институциональный пласт как цивилизационных, так и актуальных архаических сообществ, а возможно и первичный «слой». Таким образом, фундамент социального пространства неизбежно представлен закономерностями организации религиозного проведения. Рекурсивным характером человеческой деятельности определены и особенности функционирования религиозного поведения – функция вызывает сама себя в себе самой. Пытаясь выйти из зазеркалья исторических методов, пытаюсь найти чисто социальные закономерности – мы приходим к новой продуктивности функционального метода, когда увиденная и зарегистрированная рекурсивная репликация дает возможность увидеть связь социальных практик. Характерная для религиозного проведения рекурсия поясняет механизм и риски сакрализации и десакрализации отношений.

Институциональная рекурсия обеспечивает успешную и быструю колонизацию социального пространства, устойчивость и упорядоченность социального пространства в целом. Институт воплощает социальную практику, в которой реализуются институциональные структуры. Религиозная институционализация является важнейшей формой освоения социального пространства, а концепт социального пространства оказывается одной из форм концептуализации религиозного события. Специфика концепта религиозного поведения состоит в сочетании трех глобальных онтологических структур – пространственности, социальности и конечности.

Наиболее эффективной стратегией в современном мире оказывается конструирование собственной социально-пространственной идентичности посредством алгоритмов религиозных традиций, репликация жизненного пространства религиозного социума (понимаемого часто как единого «народа») в координатах собственной экзистенции. Последняя представляет собой поле напряжения и пересечения векторов социальных и индивидуальных жизненных сил, а также социальные дистанции между субъектами действия.

В основе любого института лежат ценностные основания, получившие общесоциальную значимость, а также соответствующие структурные закономерности. В современной России получившие подобную значимость ценностные структуризации представляют собой сложное образование, характеризующееся нестабильностью и неоднозначной зависимостью от различных факторов.

Институциональная динамика социального пространства имеет объективные и субъективные основания, различие которых снимается в ценностных максимах религиозных систем – «любви» (христианство), «покорности» (ислам) и других. Характер отношений определяется прежде всего ценностной природой самих институтов и значимостью субъективного начала в конкретном социальном пространстве.

При этом институциональная матрица в современной России по большей части является привнесенной, а ценностная – «домашней», поэтому ее реализация в данном социальном пространстве затруднена различными факторами субъективного порядка. Российское институциональное пространство постепенно стабилизируется путем адаптации к рискогенной среде религиозных традиций, взаимопроникновения их с новыми институциональными формами, что приводит к модификации тех и других.

Говоря о будущем, как ни странно, мы имеем в виду скорее пространственные рубежи. Время – абстрактное понятие, прямо не воспринимаемое органами чувств, поэтому мы привязываем его к пространству, которое ощущаем. Мы представляем прошлое слева, а будущее справа, наклоняемся чуть назад, думая о прошлом, чуть вперед, – о бу-

дущем [7, с. 50]. Будущее по большей части уже имплицитно в настоящем. Если точнее – то рубежи, границы пространства жизненного мира служат для определения времени. Конфессиональные маркеры задают важнейшие социальные границы. Сохраняя стабильность, они создают чувство онтологической безопасности во времени, а также модификацию картины мира и сдвиги в деятельностных установках, задают ориентиры социального поиска, а значит – определяют принципы колонизации социального пространства информационных сетей. Ресурсный поиск в социальном пространстве оказывается решающим фактором в конструировании картины рискогенной реальности – ценностных ориентиров и цивилизационных схем.

При этом найденный ресурс религиозного поведения, переструктурируя социальное пространство, трансформирует пространственно-временные параметры физической картины мира. Другими словами, параллельно меняются эпистемологическая схема, практики рациональности, структура социального пространства и пространственно-временное восприятие физического горизонта.

На ранних этапах развития общности пространство выражает время, превращая измерение времени в ценность. Понятие пути предполагает ценность вечности и бессмертия. Такое «пространственное» видение реальности характерно для пассионарных культур. В связи с принятием к началу 2013 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» [13] интересно было бы проанализировать дискурсивные особенности, отразившиеся в документе: «Вместе с тем в сфере межнациональных отношений имеются нерешенные проблемы, вызванные как глубокими общественными преобразованиями при формировании в современной России свободного открытого общества...». Речь идет именно о пространственности отношений – «распространенность негативных стереотипов в отношении некоторых народов», «гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений», «формирование в обществе обстановки нетерпимости к пропаганде и распространению идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности, направленных на подрыв общественно-политической стабильности, национального мира

и согласия». Таким образом, особое место в новых документах играет понятие гармонии, привязанной к пространственности, что интересно для анализа социальных практик. Аксиоматически-очевидное явление гармонии, как правило, не подлежит анализу. Также очевидно дискурсивное наследие в терминах «подрыв», «национальный мир», а также оригинальный метод достижения – формирование нетерпимости к нетерпимости. К пространственному восприятию также привязана «задача по содействию национально-культурному развитию» – «распространение знаний об истории и культуре народов Российской Федерации» (колонизация «прошлого»), а также «распространение традиционных и современных произведений литературы и искусства народов России и бывшего СССР, в том числе с привлечением государственных теле- и радиоканалов и общественного телевидения, организация художественных выставок, гастролей творческих коллективов». Надо сказать, что большую роль в аргументации играет термин традиция, который используется довольно часто для обозначения не религиозного или социально-культурного понятия, а как категория организации пространственности. «Задачи по информационному обеспечению реализации государственной национальной политики Российской Федерации» предложено решить в Стратегии через «распространение рекламной и промышленной продукции, производство и размещение в теле- и радиоэфире роликов социальной рекламы и иной видеопроductии, поддержку создания тематических радио- и телепередач, газетных и журнальных рубрик, интернет-проектов, направленных на реализацию целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации», таким образом прямо предписана колонизация киберпространства, решаемая традиционно за счет наполняемости, а не трансформации. «Задачи в области международного сотрудничества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации» предложено проработать за счет «распространения за рубежом русского языка и культуры народов России, составляющих уникальный вклад в культурное многообразие современного мира и в партнерство цивилизаций, способствующих формированию позитивного имиджа России за рубежом», где очевидно образное восприятие сотрудничества – решающее

значение играет работа с образной реальностью («имидж», «многообразие»). Партнерство цивилизаций и смежная проблематика оказывается не более чем проблемой восприятия. Цивилизационное самоопределение играет большую роль в идейном и медийном наполнении, но не более уровня восприятия.

Поскольку это яркий вариант манипуляционно-пространственного мышления, работа по популяризации и последующие геополитические успехи зависят от широкого использования образов, упорядочивания представлений не на основе причинно-следственных связей, а аналогии объектов в пространственном отношении. При этом стоит отметить, что восприятие социального пространства может оказаться конкретно-чувственным.

Господство пространственного восприятия задает успех в колонизации киберпространства, «плоскостного» и необъемного, где обратимость временных изменений, по сути, уничтожает восприятие времени как социального, так и физического. Стоит констатировать опасность уплощения таким образом ценностного восприятия, которое погибает вне восприятия времени. Игра, к которой сводимо многое в киберпространстве – порождает доступность игровых убийств, драк и половых отношений – что не мыслимо «оффлайн». Абсолютно свободное скольжение по пространству Сети интернет-серфинг стал любимым занятием и времяпрепровождением молодежи. Хранителем времени во многих культурах называлась божественная персона, именно религиозные институты были хранителями ценностного восприятия и во многом сохраняют функцию «разговора» о времени. Религия возвращает объемность за счет проповеди времени как необратимости в концептах жертвенности, вечности, бессмертия. Географичное, пространственно структурированное, космичное восприятие возможно исключительно в признании ценности времени. И эту последовательность демонстрирует нам именно религиозное поведение. Хаос пространственных изменений, бессмысленных и беспощадных захлестывает и разрушает. Всевозможные спекуляции и манипуляции основаны на том, что время элиминируется – псевдоапокалиптические произведения, тексты и катастрофические

проекты. Киберпространство же, которое и становится ареной, должно превратиться в социальное пространство.

Киборгизация социального пространства и отношений – сюжет многих экранных проектов, где игра вырывается из экрана, и живые люди становятся «ботами» и «расходниками» для инвестора. Другой сюжет – превращение или совпадение игрока со своим игровым образом. Ценностное и временное восприятие человека оказывается стержнем сюжетной линии. Стоит отметить, что именно с «географичностью» восприятия пространства становится все хуже у студенческой молодежи, потерянности не имеет уже поколенческих смыслов. По всей видимости, это происходит из-за манипулятивного отношения со временем. Одна из глубинных причин пассионарности монотеистических традиций – в дефрагментации восприятия времени образным усилием в образе «Промыслителя» человеческого пути.

Итак, риск можно сформулировать как действие, предприятие в пространстве без должного временного фундирования, которое позволило бы в восприятии дать объемную картину действительности.

В завершении хочется привести интересное наблюдение, сделанное в фундаментальном труде С.Г. Кирдиной «Институциональные матрицы и развитие России»: «...Иные экономические отношения мы встречаем в Вавилонии, где не только цари, но и высшие классы: жрецы, дружина, а также жители городов владели собственностью. Их права на землю и имущество также были освящены религией. Ввиду важности закрепления отношений собственности эти акты совершались с почти религиозной торжественностью, свидетельствовались царским нотариусом и «рукоприкладством» нескольких лиц и обыкновенно заключались страшными заклинаниями...» [8, с. 75]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что отношения религиозной общности представляются древнейшим способом организации пространства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01216.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштейн, П. Против богов: Укрощение риска / П. Бернштейн. – М. : Олимп-Бизнес, 2000. – 400 с.
2. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2007. – 288 с.
3. Быченков, В. М. Институты: сверхколлективные социальные образования и безличные формы социальной субъектности / В. М. Быченков. – М. : РАН, 1996. – 976 с.
4. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
5. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.
6. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1995. – 352 с.
7. Зубков, Б. Как увидеть свое будущее: 7 шагов / Б. Зубков // Курс: русский проект. – 2013. – С. 50–51.
8. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – М. : ТЕИС, 2000. – 213 с.
9. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза / С. Г. Кирдина // Социс. – 2001. – № 2. – С. 13–23.
10. Молчанов, А. В. Социальная феноменология риска: концептуальный анализ : автореф. дис ... канд. филос. наук / Молчанов Алексей Викторович. – Саратов, 2008. – 21 с.
11. Орлов, М. О. Социально-политические факторы динамики глобальных процессов / М. О. Орлов // Власть. – 2008. – № 8. – С. 84–89.
12. Путин считает одинаково важными составляющими безопасности страны ее традиционные религии и ядерный щит. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=16417/> (дата обращения: 30.10.2013). – Загл. с экрана.
13. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года : (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 01.12.2015). – Загл. с экрана.
14. Устьянцев, В. Б. Жизненное пространство личности в обществе риска / В. Б. Устьянцев // Вестник российского философского общества. – 2002. – № 4. – С. 37–42.
15. Ярская, В. Н. Глобализация социального пространства / В. Н. Ярская // Интеграционные процессы в современном обществе. – Саратов : Аквариус, 2003. – С. 9–18.

16. Grusin, R. Premediation / R. Grusin // *Criticism*. – 2004. – № 46 (1). – P. 17–39.

17. Remes, J. Apocalyptic Premediations / J. Remes. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.usask.ca/relst/jrpc/art22%282%29-apocalyptic.html> (date of access: 02.09.2010). – Title from screen.

REFERENCES

1. Bernstein P. *Protiv bogov: Ukroshchenie riska* [Against the Gods: The Remarkable Story of Risk]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2000. 400 p.

2. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii Publ.; Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2007. 288 p.

3. Bychenkov V. *Instituty: sverkhkollektivnye sotsialnye obrazovaniya i bezlichnye formy sotsialnoy subyektivnosti* [Institutions: Super Collective Social Formation and Impersonal Forms of Social Subjectivity]. Moscow, RAN Publ., 1996. 976 p.

4. Giddens A. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. 704 p.

5. Gurevich A. *Kategorii srednevekovoy kultury* [The Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972. 318 p.

6. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Object, Method, Purpose]. Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p.

7. Zubkov B. Kak uvidet svoe budushchee: 7 shagov [How Can I See My Future: 7 Steps]. *Kurs: russkiy projekt*, 2013, pp. 50-51.

8. Kirdina S.G. *Institutsionalnye matrity i razvitie Rossii* [Institutional Matrix and the Development of Russia]. Moscow, TEIS Publ., 2000. 213 p.

9. Kirdina S. *Institutsionalnye matrity: makrosotsiologicheskaya obyasnitelnaya gipoteza*

[Institutional Matrix: Macro-Sociological Explanatory Hypothesis]. *Sotsis*, 2001, no. 2, pp. 13-23.

10. Molchanov A. *Sotsialnaya fenomenologiya riska: kontseptualnyy analiz. avtoref. dis ... kand. filos. nauk* [Social Phenomenology of Risk: a Conceptual Analysis. Cand. philos. sci. abs. diss.]. Saratov, 2008. 21 p.

11. Orlov M. *Sotsialno-politicheskie faktory dinamiki globalnykh protsessov* [Socio-Political Factors Affecting the Dynamics of Global Processes]. *Vlast*, 2008, no. 8, pp. 84-89.

12. *Putin schitaet odinakovo vazhnymi sostavlyayushchimi bezopasnosti strany ee traditsionnye religii i yadernyy shchit* [Putin Considers Traditional Religions and Nuclear Shield as Equally Important Components of the Country's Security]. Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=16417/>. (accessed October 30, 2013).

13. *Strategiya gosudarstvennoy natsionalnoy politiki RF na period do 2025 goda (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666)* [The Strategy of the State National Policy (Approved by the Presidential Decree of December 19, 2012 no. 1666)]. Available at: <http://base.garant.ru/70284810/>. (accessed December 1, 2015).

14. Ustyantsev V. *Zhiznennoe prostranstvo lichnosti v obshchestve riska* [The Living Space of the Individual in a Risk Society]. *Vestnik rossiyskogo filosofskogo obshchestva*, 2002, no. 4, pp. 37-42.

15. Yarskaya V. *Globalizatsiya sotsialnogo prostranstva* [Globalization of Social Space]. *Integratsionnye protsessy v sovremennom obshchestve* [Integration Processes in Modern Society]. Saratov, Akvarius Publ., 2003, pp. 9-18.

16. Grusin R. Premediation. *Criticism*, 2004, no. 46 (1), pp. 17-39.

17. Remes J. *Apocalyptic Premediations*. Available at: <http://www.usask.ca/relst/jrpc/art22%282%29-apocalyptic.html>. (accessed September 2, 2010).

SPATIAL ANALYSIS OF RELIGIOUS SOCIALIZATION AS SPECIFICATION OF “EXTENDING”

Ivan Aleksandrovich Doroshin

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Department of Theology and Religious Studies,
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
ivansar@mail.ru, DoroshinIA@saratov.gov.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. The paper presents a detailed analysis of spatially structured perception, which is possible only under the condition of recognizing the value of time. Manipulative projects – pseudo-apocalyptic or catastrophic, are usually based on the elimination of value-based time

perception. Fixing the value of time is essential for the transformation of the cyberspace into the social space. Social and civilizational achievements depend on the extensive use of images, ordering representations on the basis of similar objects in the spatial relation rather than on cause-effect relationships, as demonstrated by the religious socialization institutes.

The author also clarifies an essential feature of social risk, as actions in the space without proper temporary foundation, which would give a full perception of reality.

The dominance of spatial perception is the foundation for success in the colonization of cyberspace, “planar” and non-surround, where the time reversibility of the changes, in fact, destroys the perception of time, both social and physical. The author points out the importance of the danger of flattening the value of perception, which dies outside of time perception.

Understanding these features is necessary for successful implementation of tasks on information support of state national policy of the Russian Federation. The strategy of state national policy of the Russian Federation proposed to solve these problems through the distribution of promotional and industrial products, production and placement of television and radio public service announcements and other video products, support the establishment of thematic radio and television broadcasts, newspaper and magazine columns, Internet projects. Thus, the author prescribes the colonization of cyberspace, traditionally solved at the expense of filling, not transformation.

Key words: religion, socialization, space, spatiality, time, risk.